

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.С. Быстрова

(abc_46@mail.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Быстрова А.С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации// Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 98–138.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>
EDN VTBGFP

Аннотация. *Территориальная «привязка» карьеры к определенному региону задает значительную часть структуры возможностей, в рамках которой индивид реализует свои планы выстраивания карьеры. Региональные особенности политического процесса, в частности, сложившаяся практика формирования корпуса региональных политиков, дизайн выборов и степень их конкурентности, практики функционирования законодательного органа, условия деятельности депутатов и, конечно, местные законодательные нормы и правила определяют персональный состав региональных политиков и траектории их карьер. Не тождественны модели взаимоотношений внутри корпуса региональной элиты — практики взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в границах каждого субъекта РФ. Различен уровень автономности региональных институтов власти и региональных лидеров. По-разному восприняты и имеют разные последствия советские традиции формирования правящего (политического) класса (номенклатуры). В последние три десятилетия существовали различные модели взаимодействия субъектов РФ и федерального центра. Речь идет о большей или меньшей централизации/децентрализации структур государственной власти и управления. Процессы рецентрализации, идущие в стране с начала 2000-х годов, сопровождаются сохранением диверсификации многих характеристик, определяющих структуру политических возможностей. Рецентрализация, несущая с собой явные тенденции к унификации ряда параметров политического процесса в каждом отдельном регионе, все-таки оставляет*

возможности организации политического процесса по привычным паттернам (дизайн выборов, взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти, рекрутирование и т.д.). Эмпирической базой исследования служит массив биографий региональных политиков, охватывающий 2005–2020 гг. Всего проанализированы биографические данные 1816 региональных политиков. Сравнение проводилось по ряду показателей, характеризующих траектории карьер и бассейны рекрутирования региональных политиков. Среди них преобладают региональные карьеры. Бассейн рекрутирования составляют хозяйственно-экономическая и политико-административная сферы. Однако картина в целом пестрая, движение показателей, характеризующих бассейн рекрутирования, хаотичны.

Ключевые слова: региональная политическая элита, карьера, бассейн рекрутирования, биографии.

ВВЕДЕНИЕ

Внимательный взгляд на панораму субъектов РФ обнаруживает довольно пеструю портретную галерею политиков. Конечно, так и должно быть, коль скоро наша страна располагает на очень большой территории. Ее население этнически и культурно разнообразно. Государственное устройство сложное. Уже этих немногих важных по своему значению факторов достаточно, чтобы представить, хотя бы в общих чертах, сложность устройства и разнообразие властных групп. В поле нашего внимания региональный уровень институтов власти, точнее политики, своей деятельностью обеспечивающие их функционирование. Российская Федерация, а до нее Советский Союз и Российская империя — сложно устроенные системы. В их развитии многие политические институты и практики осуществления власти, государственного управления в определенной мере и в различных формах наследовались и осознавались политиками как российская специфика, особый путь и т.д. В данной работе нет цели углубляться далеко в прошлое, задача гораздо скромнее — исследовать и описать региональные различия в карьерах политиков, основная деятельность которых протекает в регионах РФ, не забывая о возможном влиянии особенностей конкретных субъектов РФ на выстраивание карьерных траекторий.

Самое общее определение карьеры — постепенное продвижение человека по ступеням служебной лестницы, сопровождающееся применением навыков, умений, квалификационных возможностей [Могилевкин 2007]. В ходе карьерных перемещений изменяется также статус,

социальная роль, может меняться размер вознаграждения. В литературе находим описание множества типологий карьер. Они построены на различных основаниях, учитывая скорость и обстоятельства, направление движения по карьерной лестнице [Буренкова 1995; Слепцов, Куколев, Рыскова 1997; Быстрова 2022; Stolz 2003; Tronconi 2018; Bernard, Čermák 2021].

Карьеры и карьерные траектории исследуются в рамках нескольких научных дисциплин и с использованием различных научных подходов. В них на первый план исследователи выводят, как правило, либо индивида, актора, либо различные стороны социального контекста. Две большие группы исследовательских подходов дополняют друг друга. Различные подходы имеют сильные и слабые стороны. Верчези проделал большую работу, сгруппировав многочисленные подходы к исследованию политических карьер и описав их эвристические возможности, достоинства и недостатки [Vercesi 2018].

Среди факторов, определяющих карьерные различия, а также доступ в элитные группы, есть такие, которые непосредственно относятся к конкретной территории/региону, определяя структуру возможностей будущих региональных политиков. К ним следует отнести место рождения и первичной социализации, место получения высшего образования. Если человек родился и вырос в глубинке, в сельской местности, где в школе не хватало учителей, а из вузов в регионе были только педагогический или сельскохозяйственный, то его возможности выбора карьеры ограничены. Семейные и деловые связи, активно формирующиеся в процессе профессиональной социализации и деятельности, в дальнейшем оказываются «вытягивающими» факторами в продвижении по карьерной лестнице. Это особенно важно в нашей стране, где велика роль неформальных связей, принадлежность к определенному клану и лояльность его патрону [Гаман-Голутвина 2004].

Децентрализация, создание многоуровневых политических систем, рост территориальной автономии (в том числе продолжительность децентрализации, степень консолидации региональных институтов и т.д.) отражаются в целом на разнице структуры возможностей. Чем больше децентрализация в сочетании с более широкой структурой возможностей, тем больше до определенного момента «территориальная самобытность» региональных политиков и разнообразнее модели траекторий их карьер. Подобная зависимость установлена в ряде исследований региональных политиков стран Западной Европы последних

десятилетий, когда в них осуществлялись соответствующие реформы (начиная с 1970-х годов).

Процессы политической децентрализации в Западной Европе, приводящие к появлению новых политических институтов, расширению полномочий региональных и местных правительств (администраций) подробно проанализированы [Harvie 1994; Keating 1998; Caciagli 2003]. Новые политические институты возникали не только в связи с децентрализацией и расширением территориальной автономии, но и Европейского союза. При этом «субнациональные юридические лица» оставались весьма разнообразны. Последствия трансформации затронули и общий процесс государственного управления, и партийные системы, и участников политического процесса, элиты, прежде всего политические.

Позднее появились исследования, посвященные анализу политических карьер в многоуровневых политических системах. В них доказывалось, что регионализация бывших унитарных государств означала укрепление регионального уровня как самостоятельной арены политической карьеры. В какой-то мере это также свидетельствовало о появлении регионального политического класса с набором карьерных интересов, отличающимся от интересов национальных политиков. Оказалось, что вопреки распространенному мнению, что региональные посты являются просто ступенями на пути к федеральным должностям, число политиков, реально перешедших с регионального на федеральный уровень, в целом относительно невелико. В реальности существуют модели карьер, в которых национальные (федеральные) или региональные офисы функционируют как основное направление политической карьеры [Stolz 2003].

Ученые, осуществившие сравнительное исследование влияния децентрализации на политические карьеры региональной элиты Испании (1980–2009), Франции (1986–2009) и Великобритании (1999–2009), обратили внимание на влияние нового политического уровня многоуровневой политической системы на отбор и циркуляцию региональных элит. Они выяснили, что пост премьер-министра регионального правительства (карьеры именно этих персонажей анализировались) стал одной из высших должностей в политической иерархии. Расширение территориальной автономии и рост располагаемых регионом ресурсов способствуют повышению интереса национальных (федеральных) элит к позициям регионального и местного уровня власти. Это может при-

вести и в ряде случаев приводит к формированию более разнообразных моделей карьерных траекторий. Выделены три широких модели (одноуровневая, двухуровневая и трехуровневая), внутри которых помещаются восемь вторичных моделей в соответствии с преобладанием в карьере определенных уровней политической системы [Botella et al. 2010].

В другом исследовании также сделан вывод о большом разнообразии моделей карьеры в многоуровневых государствах. При этом подчеркивалась необходимость еще большего внимания к эмпирическим исследованиям институциональных конфигураций, временной последовательности, в которой институты возникали, а также восприятия и интерпретации институциональных механизмов политиками [Borchert, Stolz 2011]. Появились предложения методического характера. Например, дополнить изучение вертикальных карьерных движений между политическими аренами анализом горизонтальных перемещений внутри политических арен [Dodeigne 2014]. Исследование сделано на материалах Бельгии (419 валлонских политиков), предложены четыре модели карьеры: национальная, региональная, многоуровневая и дискретная. Позднее Додейн провел еще более масштабное исследование 4662 региональных и национальных политических карьер в Бельгии, Канаде, Испании и Великобритании. Он проверял гипотезу влияния слабого и сильного регионализма на характер карьер законодателей в мультиуровневых системах. Его выводы таковы: региональные законодательные элиты проявляют себя более отчетливо в государствах, в которых регионализм сильнее. Это прежде всего Испания и Канада, где региональные институты имеют более долгую историю. Но тенденция, по его мнению, находит подтверждение также в Бельгии и Великобритании. Утверждая, что в многоуровневых системах модели региональной и национальной политической карьеры отражают процессы регионализации и федерализации, влияние регионализма на ориентацию карьер законодателей остается предметом споров из-за несогласий по методическим вопросам [Dodeigne 2018].

Ранее мы говорили об исследованиях политических карьер в старых членах ЕЭС. Однако интерес к проблеме заметен также в европейских странах, ставших членами объединения сравнительно недавно. Так, два чешских исследователя изучили многоуровневые карьеры чешских политиков с 2000 по 2017 г. Они описали типичные карьерные перемещения между политическими уровнями, различая восходящие и нисхо-

дящие пути. Авторы пришли к выводу, что в чешской политической системе преобладает восходящая карьера, она является наиболее распространенным способом прохождения в парламент (анализировались карьеры сенаторов) [Bernard, Šermák 2021].

Предложения по улучшению методики исследования политических карьер в многоуровневых политических системах, в частности изменений карьер под влиянием процессов регионализации, централизации/децентрализации, содержат расширение поля межстрановых сравнений с учетом уровня децентрализации; необходимым считается анализ не только предшествующих траекторий карьер, но и последующих перемещений: откуда приходят и куда уходят политики, а также возможных перемещений между аренами одного уровня и внутри арен. Последнее важно для понимания перемещения элит и возможного разделения элит в разных аренах.

Межрегиональные различия бассейнов рекрутирования и карьерных траекторий региональных политиков обусловлены многими факторами, включая возраст и принадлежность к определенному поколению, место рождения и первичной социализации, социальное происхождение, место получения и тип высшего образования, личные и деловые связи, предшествующий профессиональный опыт.

Территориальная «привязка» карьеры к определенному региону задает значительную часть структуры возможностей, в рамках которой индивид реализует свои планы выстраивания карьеры. Региональные особенности политического процесса, в частности сложившаяся практика формирования корпуса региональных политиков, дизайн выборов и степень их конкурентности, практики функционирования законодательного органа, условия деятельности депутатов и, конечно, местные законодательные нормы и правила, определяют персональный состав региональных политиков (депутатов) и траектории их карьер.

Наша классификация карьерных траекторий в предшествующих исследованиях учитывала опыт изучения политических карьер отечественными и зарубежными специалистами. Она (классификация) опиралась на критерий приверженности элитных персон в своей карьере определенным сферам деятельности. Поэтому обыкновенно выделялись социальные и профессиональные типы карьер. Принимались во внимание характеристики, которые описывали предэлитный этап карьеры (возраст вступления, сфера деятельности), ступени элитных должностей, длительность пребывания на той или иной должности. Такой

подход позволял определить траектории карьер, выяснить бассейны рекрутирования. Данные о месте и типе высшего образования (первом, втором, третьем), профессиональной переподготовке и программах повышения квалификации вкупе с характеристиками отдельных ступеней карьеры позволяли определить уровень профессионализации отдельных элитных персон и корпуса региональных депутатов в целом. Выяснялись так называемые зигзаги карьеры — перемещения по горизонтали без изменения или, наоборот, с изменениями сферы деятельности и региона [Быстрова 2012; 2017; 2021; 2022]. Коллегами сделаны прекрасные работы по исследованию мобильности и эндогенности региональной элиты [Дука 2021], судьбам политиков, депутатов после ухода с должности [Тев 2018; 2023].

Ранее наши собственные исследования не были напрямую нацелены на поиски связи между карьерными траекториями региональных политиков и трансформациями системы властных структур государства в связи с тенденциями централизации/децентрализации. Однако территориальная специфика учитывалась. Поэтому некоторые наши результаты позволяют фиксировать такую связь.

В нашей стране около десяти десятков субъектов РФ. Они весьма разнообразны по социально-экономическим параметрам и особенностям протекания политического процесса. В соответствии с Конституцией РФ является федеративным государством с республиканской формой правления, в государстве существует многоуровневая политическая система. Собственно, в определенной степени РФ наследовала СССР. При этом структуры государственной власти упростились. Нет республиканского уровня. Зато в качестве субъектов федеративных отношений мы имеем области, края и несколько национальных республик, положение которых практически мало отличается от общей картины. Появились округа, объединяющие несколько субъектов РФ, с функцией контроля и повышения эффективности государственного управления на объединенных территориях. Сохранился со многими модификациями местный (локальный) уровень.

Российская Федерация — страна многонациональная, многоконфессиональная, в ее политической жизни наблюдаются различные паттерны политического поведения и типы политической культуры. Не тождественны модели взаимоотношений внутри корпуса региональной элиты — практики взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в границах каждого субъекта РФ. Различен уровень автономности региональных институтов власти и региональных лидеров.

По-разному восприняты и имеют разные последствия советские традиции формирования правящего (политического) класса (номенклатуры). В последние три десятка лет существовали различные модели взаимодействия субъектов РФ и федерального центра. Речь идет о большей или меньшей централизации/ децентрализации структур государственной власти и управления. Те или иные изменения вызывались потребностями обеспечения управляемости, как это понималось руководством на уровне федерального центра государственной власти. Усиление роли и влияния региональных лидеров носило кратковременный характер. Оно возросло в 1990-е годы. Но уже в начале 2000-х федеральный центр вернул себе ведущую роль в отношениях с региональными лидерами [Гаман-Голутвина 2014]. Однако специфика регионов, воплотившаяся в существовании различных типов региональных политических режимов, осталась [Панов 2006; Ross, Panov 2019].

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Эмпирической базой исследования служит массив биографий региональных политиков, охватывающий 2005–2020 гг. В 2005 г. массив охватывает четыре региона: Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская и Калининградская области. В 2010 г. добавлены два региона — Костромская область и Хабаровский край. В базах 2014 и 2020 гг. уже десять регионов: Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская и Калининградская, Костромская области, Хабаровский край, Москва, Новосибирская область, Ставропольский край и Республика Дагестан. Выбор регионов основывался на принципе представительства близких по своим характеристикам групп регионов. Подход к выбору регионов описан в публикации 2008 г. [Быстрова и др. 2008]. Если коротко, то это принцип совмещения случаев наибольшего сходства и наибольшего различия. Количественные параметры базы политиков приведены в таблице 1.

Всего проанализированы биографические данные 1816 региональных политиков: 2005 г. — из четырех, в 2010 г. — шести, в 2014 и 2020 гг. — десяти регионов.

Источниками сведений для составления биографической базы послужили официальные биографии политиков, декларации о доходах и другие материалы, размещенные на сайтах законодательных органов регионов, избирательных комиссий, а также публикации в СМИ (интервью, репортажи и т.д.).

Таблица 1

Количественные параметры биографической базы (N=1816)

Период	Регион	Политики
2005	Санкт-Петербург	23
	Ленинградская область	55
	Ростовская область	67
	Калининградская область	43
	Итого	188
2010	Санкт-Петербург	114
	Ленинградская область	62
	Ростовская область	64
	Калининградская область	46
	Костромская область	42
	Хабаровский край	33
	Итого	361
2014	Санкт-Петербург	63
	Ленинградская область	57
	Ростовская область	67
	Калининградская область	46
	Костромская область	40
	Хабаровский край	35
	Москва	65
	Новосибирская область	83
	Ставропольский край	50
	Республика Дагестан	101
	Итого	607
2020	Санкт-Петербург	65
	Ленинградская область	60
	Ростовская область	76
	Калининградская область	51
	Костромская область	41
	Хабаровский край	47

2020	Москва	73
	Новосибирская область	86
	Ставропольский край	60
	Республика Дагестан	101
	Итого	660
	Всего	1816

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КАРЬЕР РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ

В ходе анализа сравнение проводилось по ряду показателей, характеризующих траектории карьер и бассейны рекрутирования региональных политиков.

Предэлитная ступень карьеры

Возраст вступления в предэлитную должность (поколения). Базы 2005 и 2010 гг. не содержат сведений по данному вопросу. Поэтому анализ проведен только по базам данных 2014 и 2020 гг.

База 2014 г. Проанализированы данные 323 политиков из десяти регионов. Большая часть политиков вступили в предэлитную должность в молодом возрасте (до 40 лет). Лидером является Ростовская область. Здесь 100 % политиков, по которым есть сведения, заняли предэлитную должность в молодом возрасте. В четырех регионах величина показателя около 50 %: в Ленинградской области — 51 %, Хабаровском крае и Республике Дагестан — 50 %, в Санкт-Петербурге — 43 %. В остальных пяти регионах показатель существенно выше: в Костромской области — 79 %, Калининградской области — 75 %, Новосибирской области — 67 %, в Москве — 66 % и в Ставропольском крае — 65 %. Лишь немногие и только в трех регионах попали на предэлитную должность в пенсионном возрасте (более 61 года): в Санкт-Петербурге — 8 %, Калининградской области — 4 % и Новосибирской области — 3 %. Средний возраст представлен меньшими по величине показателями. Только в Республике Дагестан и Хабаровском крае он равен 50 %, в Санкт-Петербурге и в Ленинградской области — 49 %. В остальных регионах значительно меньше: в Ставропольском крае — 35 %, в Москве — 34 %, в Новосибирской области — 30 %, Калининградской и Костромской областях — 21 %.

База 2020 г. Проанализированы данные 521 политика из десяти регионов. Как и в 2014 г., более половины политиков вступили в предэлитную должность в молодом возрасте (до 40 лет). Только в Хабаровском крае таких политиков 44 % и в Ленинградской области — 50 %. В остальных регионах более 50 %: в Санкт-Петербурге — 55 %, в Москве — 58 %, Новосибирской области — 61 %, Ставропольском крае — 63 %, в Ростовской и Калининградской областях — 65 %, в Костромской области и Республике Дагестан — 68 %. По сравнению с 2014 г. в восьми регионах из десяти доля политиков, вступивших в предэлитную должность в молодом возрасте, снизилась и только в двух возросла — в Санкт-Петербурге и Республике Дагестан. Представленность политиков, вступивших в предэлитную должность в старшем. возрасте существенно не изменилась. Наконец, возросла наполненность категории политиков, вступивших в предэлитную должность в среднем возрасте (41–60 лет). При этом показатель в Санкт-Петербурге и Республике Дагестан ожидаемо снизился. Теперь он равен 44 и 32 % соответственно. В других регионах он не превысил 50 %, кроме Хабаровского края — 51 %. В Ленинградской области — 50 %, Москве — 38 %, Ставропольском крае — 37 %, Калининградской и Новосибирской областях — 35 %, в Костромской и Ростовской областях — 32 %. Можно сделать следующий вывод: в 2020 г. по сравнению с 2014 г. политики вступали на предэлитную ступень карьеры в более позднем возрасте. Причем более заметно это изменение в Костромской, Калининградской и Ростовской областях.

Предэлитная активность. Пригодные для анализа данные по анализируемой переменной охватывают период 2014–2020 гг.

База 2014 г. Проанализированы данные 612 политиков из десяти регионов. Предэлитная активность рассмотрена по трем укрупненным позициям: политико-административная, хозяйственно-экономическая, силовая активность. Все, что не укладывается в эти три позиции, отправлено в «прочее».

Предэлитная активность исследуется как один из показателей, характеризующий бассейн рекрутирования региональных политиков. Понятно, что элитная карьера политика может начаться не с политической активности, а, например, в экономической сфере — как руководитель бизнес-структуры.

Политико-административная активность — важная сфера деятельности политиков в предэлитный период. Наибольшее значение в этом

смысле она имела в 2014 г. в Санкт-Петербурге — 43 %, Москве — 36 % и Ленинградской области — 31 %. Немного менее важное значение она имела в Калининградской области и Республике Дагестан — 29 %, Новосибирской области — 27 % и Костромской области — 25 %. В остальных трех регионах — Ростовской области, Хабаровском крае и Ставропольском крае — 23 %. Хозяйственно-экономическая активность демонстрирует большую важность. Здесь наблюдаются значения переменной 50 % и более: Республика Дагестан — 50 %, Ставропольский край — 51 %, Костромская область — 53 %, Новосибирская область — 58 %. В остальных регионах значения переменной ниже и значительно ниже 50 %: Ленинградская область — 49 %, Калининградская область — 47 %, Хабаровский край — 40 %, Ростовская область — 30 %. Наконец, Москва и Санкт-Петербург — 26 и 24 % соответственно. Показатель для Санкт-Петербурга — минимальный в этой категории. Силовая активность не имеет существенного значения, если ориентироваться на величину переменной: максимальное значение в Республике Дагестан — 17 %, минимальное в Санкт-Петербурге — 2 %. Только еще в одном регионе — Ставропольском крае — значение больше десяти процентов — 11 % и еще в одном — Ростовской области — равен 10 %. В остальных регионах в пределах 5–7 %: Калининградской и Новосибирской областях — 5 %, в Ленинградской области и Хабаровском крае — 6 %, в Москве — 7 %. Прочие сферы активности дали показатели около 30 % в четырех регионах. В остальных гораздо меньше.

База 2020 г. Проанализированы данные 612 политиков из десяти регионов. Роль политико-административной сферы мало изменилась по сравнению с 2014 г. Рост ее значения отмечается в шести из десяти регионов. Однако он очень небольшой. Максимальное значение отмечается в Санкт-Петербурге — 53 %, Москве — 41 %, Ленинградской области — 36 %. Минимальные значения в Костромской области — 10 %. В остальных регионах от 27 до 19 %: в Республике Дагестан — 27 %, в Ростовской области, Хабаровском крае и Ставропольском крае — 25 %, в Калининградской области — 23 % и в Новосибирской области — 19 %. Хозяйственно-экономическая активность продолжает быть основной сферой предэлитной деятельности, ее значение даже выросло в девяти регионах из 10; уменьшилось только в одном регионе: в Ленинградской области снизилось по сравнению с 2014 г. до 37 %. Максимальные значения переменной в Костромской области — 73 %, в Новосибирской области — 69 % и Хабаровском крае — 60 %. В других регионах оно

менее 60 %: в Ставропольском крае — 59 %, в Ростовской области — 57 %, в Калининградской области — 53 %, в Республике Дагестан — 52 %. С большим отрывом следуют Москва — 37 % и Санкт-Петербург — 27 %. Значения переменной небольшие по сравнению с другими регионами, но они выше, чем в 2014 г. Силовая активность не имеет существенного значения: в Республике Дагестан — 10 %, Калининградской области — 8 %, Ленинградской области — 5 %, в других еще меньше, а в Костромской области вообще не представлена. Опция «прочее» уменьшилась по сравнению с 2014 г. (кроме Ленинградской области). Но все-таки в некоторых регионах достигает почти 20 %.

Продолжительность времени занятия предэлитной позиции.

Наиболее полные данные есть только по 2014 г. По остальным годам данные носят отрывочный характер, и никакие выводы по ним сделать невозможно. Проанализированы сведения о 317 политиках из десяти регионов. Меньше всего времени на предэлитной должности работали политики Санкт-Петербурга: 69 % тех, по которым есть соответствующая информация, провели на этой должности два года и менее. Более всего времени на предэлитной должности (10 лет и более) провели политики Хабаровского края (44 %), Ставропольского края (40 %) и Костромской области (35 %). Укрупнение периодов до трех опций (продолжительность времени занятия предэлитной позиции «до 5 лет», «6–9 лет» и «10 лет и более») делает сдвиг в некоторых регионах показателя продолжительности времени занятия предэлитной позиции в сторону более короткого срока более очевидным: среди десяти регионов выделяются Санкт-Петербург (срок до 5 лет — 91 %), Москва (срок до 5 лет — 64 %) и Калининградская область (срок до 5 лет — 61 %). Более краткое пребывание на предэлитной позиции говорит о быстром продвижении к первой элитной позиции, что, следовательно, делает карьеры политиков немного более быстрыми.

Бассейн рекрутирования и элитные позиции

Предшествующая работа. Переменная «предшествующая работа» также помогает исследовать бассейн рекрутирования политиков в аспекте вида активности: политико-административная, хозяйственно-экономическая, силовая и прочая, в которую попадают все виды деятельности, не вошедшие в три названные категории. Кроме того, дополнительно рассмотрена предшествующая работа по следующим позициям: депутат, администратор, политический активист, хозяйственник-бизнесмен,

юрист, специалист, работник культуры, науки и образования, силовик, медик, рабочий-колхозник, учащийся.

База 2005 г. Проанализированы данные 216 политиков из четырех регионов. Показатель политико-административной активности имел наибольшее значение в Санкт-Петербурге (88 %), Калининградской и Ленинградской областях (79 и 78 % соответственно). В Ростовской области относительно большее значение имела хозяйственно-экономическая сфера (51 %). В Ленинградской и Калининградской областях — значительно меньшее (16 %) и очень небольшое — в Санкт-Петербурге (5 %). Так называемая силовая активность практически не представлена.

Вторая классификация позволяет показать, что депутатство в трех регионах является основной предшествующей работой: в Санкт-Петербурге (77 %), Ленинградской области (69 %) и в Калининградской области (47 %). В Ростовской области на первом месте позиция «хозяйственник-бизнесмен» (51 %). Вариации по другим позициям небольшие. Из знаменательных фактов отметим, что в Калининградской области максимальный удельный вес бывших политических активистов — 16 %.

База 2010 г. Проанализированы данные 281 политика из шести регионов. Основной бассейн рекрутирования по переменной «предшествующая работа» — политико-административная активность. Наибольшее значение эта сфера имеет для рекрутирования региональных политиков в Калининградской области (77 %), Санкт-Петербурге (74 %), Хабаровском крае (67 %). В остальных трех регионах значение этой сферы гораздо меньше: в Ростовской области (49 %), Костромской (39 %) и Ленинградской области (38 %). Хозяйственно-экономическая сфера как бассейн рекрутирования политиков имеет наибольшее значение в Костромской (54 %), Ленинградской (48 %) и Ростовской (38 %) областях. Наименьшее значение — в Санкт-Петербурге (6 %). Сфера силовой активности наибольшее значение имеет в Санкт-Петербурге (10 %) и в Ростовской области (8 %). В этих двух регионах доля силовой сферы увеличилась по сравнению с 2005 г. В остальных четырех регионах доля силовой сферы совсем небольшая: в Костромской области — 5 %, Ленинградской области — 4 %, Хабаровском крае — 3 % и в Калининградской области — ноль.

Вторая классификация позволила выяснить, что депутатство осталось на первом месте среди предшествующих позиций в Санкт-Петербурге (60 %), правда несколько снизилась величина показателя по сравнению с 2005 г. Немного вырос показатель в Калининградской

области — до 50 %. Наибольшая величина зафиксирована в Хабаровском крае — 64 %. Этот регион не анализировался в 2005 г. Хозяйственниками-бизнесменами были в прошлом 54 % костромских депутатов и 48 % депутатов Ленинградской области. В 2010 г. Калининградская область также лидирует по удельному весу депутатов, которые были политическими активистами. Возросла доля бывших силовиков. Например, в Санкт-Петербурге она увеличилась с 1 до 10 %, а в Ростовской области — с 3 до 8 %.

База 2014 г. Проанализированы данные 520 политиков из десяти регионов. Самая важная для рекрутирования региональных политиков — политико-административная сфера. Во всех регионах, кроме одного — Ростовской области (48 %), она существенно превышает 50 %. Лидерами являются Санкт-Петербурге (90 %), Республика Дагестан (88 %), Москва (86 %). Меньше доля этой сферы в Костромской — 72 %, Новосибирской — 69 %, Ленинградской области — 66 %, Ставропольском — 65 % и Хабаровском крае — 63 %, в Калининградской области — 61 %. Роль силовой активности невелика: доля достигает 8 % только в Хабаровском крае, в то же время в Ростовской и Новосибирской областях, а также в Ставропольском крае — всего 2 %. В других регионах не представлена вовсе.

Вторая классификация показывает, что Санкт-Петербург по-прежнему лидирует по роли депутатства как предшествующей работы (позиции) — 75 %. Высоко значение показателя в Республике Дагестан — 73 %. Немного отстают Новосибирская и Костромская области — 63 и 62 % соответственно. В Москве — 57 % и в Ленинградской области — 52 %. На втором месте во всех регионах позиция «хозяйственник-бизнесмен», кроме Ростовской области — 38 %. Хотя разница между опциями «депутат» и «хозяйственник-бизнесмен» в данном регионе совсем небольшая. Бывшие силовики замечены только в трех регионах и их совсем мало — 1–2 %. Бывшие политические активисты в небольшом количестве есть почти во всех регионах, но больше всего в Москве — 15 %.

База 2020 г. Проанализированы данные 603 политиков из десяти регионов. Как и в 2014 г., политико-административная активность в качестве бассейна рекрутирования региональных политиков держалась на высоком уровне, хотя величина показателя несколько снизилась. Но теперь ни в одном из наших десяти регионов доля не была ниже 50 %. На первых двух местах располагаются Ленинградская область и Санкт-

Петербург, образующие, по сути, один большой регион: 79 и 78 % соответственно. Далее Москва (73 %), немного ниже показатели в Хабаровском крае (66 %), в Новосибирской области (65 %) и Ставропольском крае (63 %). Еще ниже показатель в Ростовской и Калининградской областях (57 %), в Костромской области (55 %) и Республике Дагестан (54 %). Уменьшился разброс значений доли сферы хозяйственно-экономической активности по сравнению с данными 2014 г. В лидерах по роли сферы хозяйственно-экономической активности как бассейна рекрутирования региональных политиков по-прежнему Ростовская область (40 %). Далее Костромская и Калининградская области (38 и 37 % соответственно), Новосибирская область (35 %), Ставропольский край (34 %) и Республика Дагестан (32 %). В остальных четырех регионах величина доли еще меньше: в Хабаровском крае — 26 %, в Москве — 22 %, в Ленинградской области — 19 % и Санкт-Петербурге — 11 %. Уменьшилась доля силовой активности.

Анализ предшествующей работы по занимаемым в прошлом позициям показал снижение роли депутатства в Санкт-Петербурге — до 49 %, Калининградской и Костромской областях — до 41 и 45 %, Новосибирской области — до 60 % и в Республике Дагестан — до 31 %. В остальных регионах отмечается небольшое увеличение. Так что лидерами оказались Москва и Новосибирская область (по 60 %) и Ставропольский край (54 %). Зато несколько возросло значение позиции «хозяйственник-бизнесмен». По этой позиции картина тоже пестрая. В Республике Дагестан наблюдается максимальный рост — с 12 до 32 %. Больше всего бывших политических активистов в Санкт-Петербурге — 17 %. По-прежнему невелик удельный вес бывших силовиков.

Предпредшествующая работа. Переменная «предпредшествующая работа», как и переменная «предшествующая работа», помогает исследовать бассейн рекрутирования политиков в аспекте вида активности: политико-административная, хозяйственно-экономическая, силовая и прочая, в которую попадают все виды деятельности, не вошедшие в три ранее названные категории. Также дополнительно рассмотрена предпредшествующая работа по позициям депутат, администратор, политический активист, хозяйственник-бизнесмен, юрист, специалист, работник культуры, науки и образования, силовик, медик, рабочий-колхозник, учащийся. В анализ по позициям не вошел 2020 г., поскольку имеющиеся сведения не позволяют сделать обоснованные выводы.

База 2005 г. Проанализированы данные 229 политиков из четырех регионов. Данные подтверждают, что политико-административная сфера деятельности является и по этой переменной основным бассейном рекрутирования региональных политиков в Санкт-Петербурге и Калининградской области (65 и 64 % соответственно). В Ленинградской и Ростовской областях она уступает хозяйственно-экономической активности: 36 и 35 % против 38 и 56 % соответственно. Ростовская область — лидер по роли хозяйственно-экономической сферы в качестве бассейна рекрутирования региональной политической элиты (56 %). В остальных трех регионах доля хозяйственно-экономической сферы меньше. Так, в Ленинградской области она равна 19 %, в Калининградской области — 29 % и в Санкт-Петербурге — 18 %.

Анализ предпредшествующей работы по позициям показал лидирующие позиции депутатства в двух регионах: в Калининградской области (52 %) и в Санкт-Петербурге (45 %). Позиция «хозяйственник-бизнесмен» фиксируется на первом месте в Ростовской области (56 %) и в Ленинградской области (38 %). Доля бывших силовиков очень невелика — в диапазоне от 3 до 7 %.

База 2010 г. Проанализированы данные 291 представителя региональной политической элиты из шести регионов. В четырех регионах, по которым можно провести сравнение, роль политико-административной активности как бассейна рекрутирования региональных политиков возросла только в Санкт-Петербурге (79 % вместо 65 % в 2005 г.). Два новых региона в базе — Хабаровский край и Костромская область — демонстрируют величину данного показателя на уровне менее 50 %: 46 и 29 % соответственно. Хозяйственно-экономическая активность преобладает в Костромской, Ростовской, а также в Ленинградской области: 59, 50 и 49 % соответственно. Как видим, в этих трех регионах хозяйственно-экономическая сфера более значима, чем политико-административная. Роль предпредшествующей работы в силовой сфере невелика. Доля политиков, чья предпредшествующая работа проходила в силовых ведомствах, составили 12 % в Костромской области, 8 % в Ростовской области, 7 % в Калининградской области, 6 % в Хабаровском крае и 2 % в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Анализ предпредшествующих позиций показал, что в 2010 г. сохраняется лидерство Санкт-Петербурга и Калининградской области по роли депутатства. Удельный вес предпредшествующего депутатства соответственно 55 и 48 %. К двум лидерам по позиции «хозяйственник-

бизнесмен», Ростовской и Ленинградской областям (по 49 %), добавилась Костромская область — 59 %. Здесь же в Костромской области наибольшее значение позиции «силовик» — 12 %. В остальных регионах: от 2 % в Санкт-Петербурге и Ленинградской области до 8 % в Костромской области.

База 2014 г. Проанализированы данные 479 представителей региональной политической элиты из десяти регионов. Политико-административная сфера является важным местом предпредшествующей работы региональных политиков. Так, в Республике Дагестан 80 % политиков были заняты в политико-административной сфере, в Москве — 76 % и в Санкт-Петербурге — 68 %. Еще в одном регионе — Хабаровском крае — доля политиков, занятых в прошлом на предпредшествующей работе в политико-административной сфере, больше половины — 52 %. В остальных регионах доля таких политиков — меньше 50 %: в Ставропольском крае — 45 %, Калининградской области — 44 %, в Ростовской области — 39 %, в Новосибирской и Костромской областях — 37 %, в Ленинградской области — 36 %. Хозяйственно-экономическая сфера имеет меньшее значение, чем политико-административная сфера. В трех регионах ее доля как предпредшествующая работа превышает 50 %: в Новосибирской области — 53 %, Ленинградской и Калининградской области — 51 %. Немного меньше величина показателя в Костромской области, Ставропольском крае и Ростовской области: 49, 47 и 45 % соответственно. Еще меньше в Хабаровском крае — 35 %, Москве — 18 %, Республике Дагестан — 15 % и Санкт-Петербурге — 13 %. Роль силовой сферы очень невелика. Как предпредшествующая работа — это 6 % в Ставропольском крае, 5 % — в Республике Дагестан, 4 % — в Новосибирской области, 3 % — в Санкт-Петербурге. В Калининградской, Костромской областях и Хабаровском крае ни один политик не имел работу силовика в качестве предпредшествующей.

Сохраняется значение депутатства как предпредшествующей позиции. Среди десяти регионов в трех наблюдается довольно высокий удельный вес политиков с депутатством в качестве предпредшествующей позиции. Это Санкт-Петербург (47 %), Москва (57 %) и Республика Дагестан (65 %). В некоторых регионах довольно высок удельный вес позиции «хозяйственник-бизнесмен»: в Новосибирской области — 52 %, Калининградской и Ленинградской областях (51 %), Костромской области (49 %), Ставропольском крае (47 %) и Ростовской области (45 %). Бывшие политические активисты присутствуют в небольшом количе-

стве во всех регионах, кроме Хабаровского края. Их доля невелика и только в Санкт-Петербурге и в Калининградской области составляет 12 %. Это максимальное значение.

База 2020 г. Проанализированы данные 583 представителей региональной политической элиты из десяти регионов. Данные демонстрируют общее снижение доли политико-административной активности в восьми регионах по сравнению с данными 2014 г. Теперь величина показателя варьирует от 64 % в Москве до 32 % в Ростовской области. В двух регионах отмечен рост: в Новосибирской области (45 % против 37 % в 2014 г.) и в Ленинградской области (51 % против 36 % в 2014 г.). В то же время в четырех регионах возросла доля занимавшихся хозяйственно-экономической активностью. В Ростовской области, Хабаровском крае, Республике Дагестан и Санкт-Петербурге она составила 52, 44, 27 и 21 % против 45, 35, 15 и 13 % в 2014 г. Слегка подросла роль силовой активности. В 2020 г. величина показателя в диапазоне от 3 до 7 % вместо 2–6 % в 2014 г.

Возраст вступления в нынешнюю должность. Анализ данной переменной помогает понять траекторию и скорость продвижения по карьерной лестнице региональных политиков. Проанализированы данные за 2005–2020 гг.

База 2005 г. Исследованы данные 239 политиков из четырех регионов. Во всех регионах наибольшая доля политиков вступили в нынешнюю должность (на момент сбора материала, т.е. в 2005 г.) в среднем возрасте (41–60 лет): в Ленинградской области — 76 %, Калининградской области — 72 %, Ростовской области — 70 %, Санкт-Петербурге 63 %. В старшем возрасте совсем немного — от 9 % в Калининградской области до 13 % в Ленинградской области. В молодом возрасте (до 40 лет) заняли нынешнюю должность 27 % политиков Санкт-Петербурга, 19 % — Калининградской области, 18 % — Ростовской области и 11 % политиков Ленинградской области. В этой категории региональные различия располагаются в большем диапазоне, нежели в двух других категориях (среднем и старшем возрасте).

База 2010 г. Проанализированы данные 309 представителей региональной политической элиты из шести регионов. Обнаружено, что политики всех этих регионов вступали в нынешнюю должность в основном в среднем возрасте (41–60 лет). Лидерами по данному показателю оказались Хабаровский край — 82 %, Калининградская (74 %) и Ленинградская области (71 %). Далее идет с небольшим отрывом

Ростовская (63 %) и Костромская (62 %) области и Санкт-Петербург (58 %). Как видим, разброс значений показателя небольшой. По сравнению с данными 2005 г. (принимая во внимание только те четыре региона, по которым возможно сравнение) произошло снижение показателей в средней возрастной категории в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Ростовской областях, в Калининградской области, напротив, небольшое увеличение. Доля политиков, вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте, возросла в Ленинградской области до 18 %. В остальных трех регионах снизилась до 23 % в Санкт-Петербурге, до 17 % в Ростовской и Калининградской областях. В двух новых регионах зафиксирован максимальный и минимальный показатель: 31 % политиков в Костромской области и 3 % в Хабаровском крае вступили в нынешнюю должность в молодом возрасте.

База 2014 г. Проанализированы данные 603 представителей региональной политической элиты из десяти регионов. Как и в 2005 и 2010 гг., основная часть политиков регионов вступили в нынешнюю должность в среднем возрасте. Только в одном из анализируемых регионов таких политиков было меньше половины. Речь идет о Ставропольском крае (45 %). В остальных девяти регионах величина показателя выше 50 %, иногда существенно. Диапазон величин — от 73 % в Республике Дагестан до 55 % в Костромской области. В Ленинградской и Калининградской областях — 71 %, в Хабаровском крае и Новосибирской области — 66 %, в Ростовской области 64 % и в Москве -60 %. Самая большая доля политиков, вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте, обнаружена в Ставропольском крае и в Костромской области: 33 и 32 % соответственно. В Костромской области сохранился высокий уровень данного показателя. В Хабаровском крае категория не представлена. Низкие показатели выявлены в Санкт-Петербурге (11 % — сократился более, чем в два раза по сравнению с 2010 г.). В Республике Дагестан показатель равен 13 %, в Ленинградской и Ростовской областях — 14 и 15 %. В Ленинградской и Ростовской областях эта доля слегка сократилась. В остальных регионах показатель составляет величину около 20 %. Политики, вступившие в нынешнюю должность в старшем возрасте, составляют 34 % в Хабаровском крае. Это максимальное значение. Напомню, что в данном регионе в 2014 г. не было ни одного политика, вступившего в нынешнюю должность в молодом возрасте, а в 2010 таких политиков было 3 %. Несколько меньше показатель в Санкт-Петербурге — 29 %. Колебания показателя в категории старшего воз-

раста значительны: от 34 % в Хабаровском крае до 9 % в Калининградской области. Небольшие значения отмечены в Новосибирской области — 12 %, Костромской области — 13 %, Республике Дагестан — 14 % и Ленинградской области — 15 %. В остальных регионах показатель колеблется около 20 %: вступили в нынешнюю должность в старшем возрасте 20 % московских политиков, 21 % дагестанских и 22 % ставропольских политиков. По сравнению с 2010 г. доля таких политиков возросла в пяти из шести регионов, по которым возможно сравнение, и только в Калининградской области не изменилась, оставшись на довольно низком уровне — 9 %.

База 2020 г. Проанализированы данные 659 представителей региональной политической элиты из десяти регионов. Политики, как и в прошлые годы, занимали нынешние должности преимущественно в среднем возрасте (от 41 до 60 лет). Важно отметить, что в 2020 г. нет большого разброса величин показателя различных регионов: он находится в диапазоне от 68 % в Костромской области до 54 % в Санкт-Петербурге. Но, как и в прошлые годы, по всем регионам он выше 50 %: в Калининградской области 67 %, Хабаровском крае 66 %, Ленинградской области 65 %, Ростовской области и Ставропольском крае по 64 %, Республике Дагестан 63 %, в Москве и Новосибирской области по 62 %. В 2020 г. доли вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте также изменяются в меньшем диапазоне, чем ранее: от 25 % в Костромской области до 11 % в Москве. Напомню, что в 2014 г. отмечались колебания от нуля до 33 %. В Хабаровском крае вместо нуля в 2014 г. зафиксировано 15 %. В Ростовской области и Республике Дагестан показатель равен 20 %, в Санкт-Петербурге 21 %, Ленинградской и Калининградской областях и Ставропольском крае 17 %, Хабаровском крае и Новосибирской области по 15 %, в Москве 11 %. Самая большая доля политиков, вступивших в нынешнюю должность в старшем возрасте, отмечена в Москве — 27 %, Санкт-Петербурге — 25 % и Новосибирской области — 23 %. Самая маленькая доля в Костромской области — 7 %. В этом регионе, кстати, наибольшая доля вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте — 25 %. Категория вступивших в нынешнюю должность в старшем возрасте составляет 19 % в Ставропольском и Хабаровском краях, 18 % в Ленинградской области, 17 % в Республике Дагестан, наконец, по 16 % в Ростовской и Калининградской областях.

Номенклатурный опыт. В исследованиях 1990–2010 гг. в биографиях и карьерах представителей региональных элит номенклатурный опыт встречался довольно часто. По мнению многих исследователей, это объясняется генезисом постсоветских элит. В 2012 г. среди чиновников регионов около трети имели такой опыт. Среди политиков бывших «номенклатурщиков» было в два раза меньше. Практически все они относились к поколениям оттепели, застоя и перестройки [Быстрова 2022: 135–136]. В дальнейшем их число уменьшалось по естественным причинам. В базах 2014 и 2020 гг. число политиков, имеющих номенклатурный опыт советских времен, невелико: в 2014 г. 82 человека и в 2020 г. еще меньше — 77. Напомню, что это количество распределяется по десяти регионам РФ. Поэтому и в каждой изучаемой позиции бывших номенклатурных работников считанные единицы. И в 2014 г., и в 2020 г. основная часть депутатов, имеющих номенклатурный опыт, работали на районном и отраслевом уровне. Номенклатурный опыт на уровне предприятия был у значительно меньшего числа политиков.

Служба в силовых ведомствах. В отдельные периоды истории нашего государства бывшие силовики в региональной политической элите РФ (а ранее в советском депутатском корпусе) были представлены по-разному. Население страны служило в армии (срочная служба, участие в боевых действиях), и в биографиях представителей региональных политиков военная служба присутствовала нередко. Кроме того, к силовым ведомствам в исследовании биографий и карьер относят службу в правоохранительных органах, службе разведки и безопасности, которые в разные периоды назывались по-разному. Сроки службы бывают различной продолжительности по многим причинам как личного характера, так и не зависящим от индивида обстоятельствам. Поэтому в наших базах представлена довольно пестрая картина. Так, в базе 2020 г. обнаруживаем, что сведения о службе в силовых ведомствах есть по 127 персонам из 660 политиков десяти регионов. При этом среди них единицы служили более 20 лет — всего по девяти регионам (кроме Республики Дагестан) 47 человек, в том числе 16 человек — свыше 20 лет. Максимальный срок службы равен 36 годам (один человек в Ленинградской области). Как правило, те, кто попадает в категорию срока службы до пяти лет, — это так называемые «срочники» либо уволившиеся по разным причинам. Большая доля опции «до 5 лет» зафиксирована во всех четырех годах наблюдения (2005–2020 гг.). Однако распространенность краткосрочной службы присуща

не всем регионам и не во все годы наблюдения. В ряде регионов в отдельные годы эта опция не представлена совсем: в 2014 г. в Ленинградской, Новосибирской и Костромской областях, Москве, Хабаровском и Ставропольском краях; в 2020 г. Новосибирской области и Ставропольском крае. В нескольких регионах в отдельные годы опция «служба до 5 лет» представлена небольшим по величине показателем: в 2014 г. Санкт-Петербург — 10 %, в 2020 г. Москва — 14 % и Санкт-Петербург — 17 %. В остальных регионах большой разброс в величине показателя. Например, в 2005 г. в двух рассматриваемых регионах, Ростовской и Калининградской областях показатель значительно превышал 50 % в обоих регионах он был равен 79 %. В Санкт-Петербурге немного превышал 50 % и составлял 55 %, а в Ленинградской области был существенно ниже — 33 % (в абсолютном значении всего лишь два человека). В 2010 г. в единственном регионе из шести рассматриваемых значение показателя было меньше 50 % — в Ленинградской области — 40 %. В пяти остальных он был существенно больше: в Ростовской области — 82 %, Калининградской области — 78 %, в Костромской области — 74 %, Санкт-Петербурге — 70 % и в Хабаровском крае — 60 %. Соответственно в тех регионах, где опция «срок службы 5 лет и меньше» имеет большое значение показателя, на долю остальных приходится гораздо меньше региональных политиков. И наоборот. Так, в Новосибирской области в 2020 г. на долю опции «служба 6–9 лет» приходилось 20 %, «10 лет и более» — 80 % (в абсолютных цифрах это один и четыре человека). Напомню, как сказано выше, в этом году в регионе опция более краткосрочной службы представлена не была. В Москве в том же 2020 г. эти две опции показали по 43 % (в абсолютных цифрах это три и три человека). Знаменательно, что все 68 региональных политика, у которых есть за плечами силовой опыт и о которых есть сведения о наличии воинских/военнослужащих званий, за исключением двух человек, имеют офицерские чины. Из них только восемь человек — это младшие офицеры (от младшего лейтенанта до капитана), семь человек — высшие офицеры (от генерал-майора и выше), остальные старшие офицеры (от майора до полковника). При анализе роли силовой сферы как бассейна рекрутирования региональных политиков и траекторий их карьер имеет определенный смысл учитывать так называемую силовую социализационную дистанцию, т.е. время, потребовавшееся для «гражданской ресоциализации после окончания службы и до занятия элитной позиции» [Дука 2012: 120]. По нашим данным, она занимает от 6 до 37 лет.

Предположительно, это достаточный период для преодоления последствий возможных травмирующих обстоятельств службы в силовой сфере, в том числе известную профессиональную деформацию. Четкой привязки продолжительности процесса ресоциализации после службы в силовых ведомствах к региону обнаружить не удалось. Непосредственно после службы региональными политиками становятся редко. Можно утверждать, учитывая данные о предэлитной, предшествующей и предприслужившей работе, что силовые ведомства не являются значимым бассейном рекрутирования региональных политиков исследуемых регионов.

Некоторое время назад предметом довольно широкой дискуссии было широкое участие бывших силовиков в политической деятельности, их роли в формировании и функционировании различных элитных групп. Основываясь на некоторых представлениях об особенностях деятельности в силовой сфере и ее влиянии на работников-«силовиков», опасности привнесения в сферу управления общественными процессами привычки решать сложные вопросы простыми методами, исследователи делали выводы о возможных негативных последствиях милитократии — власти военных. Дискуссия, начавшаяся с нескольких публикаций известного российского исследователя элит О. Крыштановской [Крыштановская 2002; 2003; 2005], довольно хорошо проанализирована в уже цитировавшейся статье А. Дуки [Дука 2012]. Кроме того, им были проанализированы данные о рекрутировании и составе элитного корпуса нескольких российских регионов. Исследователь сделал вывод о том, что «существенных свидетельств о наличии или складывающейся милитократии в регионах нет» и зафиксировал «достаточное разнообразие во времени пополнения региональной элиты силовиками» [Дука 2012: 120]. Со времени написания цитируемой работы прошло больше десяти лет. Наши данные, как видно из сказанного ранее, подтверждают сделанные тогда выводы нашего коллеги.

Номер данной элитной позиции в биографии (в который раз субъект получает нынешнюю должность). Преобладание новичков или старожилов в составе региональных политиков помогает понять, что мы наблюдаем — обновление или, наоборот, окостенение элитного корпуса. В 2005 и 2010 гг. сведений практически нет.

База 2014 г. Проанализированы данные по 494 депутатам из десяти регионов. Новички в данной должности, т.е. те, кто в первый раз в биографии занимает данную должность, составляют довольно большую

группу в депутатском корпусе. Новичков на должности больше всего в политической элите Ставропольского края — 61 %, Калининградской области — 60 %, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — 52 % и 50 % соответственно. В остальных регионах — менее 50 %. Наименьший удельный вес данной группы зафиксирован в Республике Дагестан — 26 %. В оставшихся пяти регионах величина доли колеблется от 39 до 49 %: в Москве — 39 %, в Новосибирской области — 40 %, в Хабаровском крае и Костромской области — 46 %, в Ростовской области — 49 %.

Во второй раз занимают нынешнюю должность 37 % политиков Ленинградской области, 36 % — Новосибирской области, 35 % — Костромской области, 32 % — Ростовской области, 31 % — Хабаровского края и Республики Дагестан, 30 % — Ставропольского края. Наконец, политиков данной группы 24 % в Калининградской области, 23 % в Санкт-Петербурге и 18 % в Москве. Политики, пребывающие на данной должности в 4-й и более раз весьма немногочисленны. Их удельный вес не превышает 26 % (Республика Дагестан). Близко к Республике Дагестан значение этой группы в Москве — 21 %. Наименьшее значение группы в Ставропольском крае — 4 %, Ленинградской области — 7 % и Ростовской и Калининградской областях — 9 %. В оставшихся трех регионах: Санкт-Петербурге — 16 %, Костромской и Новосибирской областях и Хабаровском крае по 14 %.

База 2020 г. Проанализированы данные по 589 политикам из десяти регионов. Новичков в данной нынешней элитной позиции относительно больше, чем тех, кто занимает данную элитную позицию во второй, третий, четвертый и т.д. раз. В девяти регионах из десяти удельный вес новичков увеличился, иногда заметно. Только в Ставропольском крае доля новичков уменьшилась с 61 до 48 %, но все же осталась довольно существенно, выше, чем других групп. Наибольшую величину показатель имеет в Хабаровском крае — 66 % и здесь же он показывает самый большой рост — в 2014 г. составил 46 %. Большое значение показателя отмечено в Калининградской области — 62 % против 60 % в 2014 г.; в Санкт-Петербурге — 61 % против 52 % в 2014 г.; в Ростовской области 60 % против 49 % в 2014 г.; в Костромской области — 59 % против 46 % в 2014 г. Далее с небольшим отрывом идут Ленинградская область — 52 % против 50 % в 2014 г.; Москва и Республика Дагестан — 44 % (против 39 и 26 % в 2014 г. соответственно) и Новосибирская область — 42 % (40 % в 2014 г.).

Удельные веса группы политиков, которые оказались на данной элитной позиции во второй раз, в двух регионах — Санкт-Петербурге и Ставропольском крае — выросли: с 23 % в 2014 г. до 25 % в 2020 г. в Санкт-Петербурге и с 30 до 35 % соответственно в Ставропольском крае. Рост, однако, незначителен. В остальных восьми регионах удельный вес данной группы уменьшился: с 31 до 23 % — в Хабаровском крае, с 32 до 24 % в Ростовской области, с 36 до 20 % — в Новосибирской области, с 35 до 19 % — в Костромской области, с 37 до 18 % — в Ленинградской области, с 24 до 16 % — в Калининградской области, с 18 до 15 % — Москве и с 31 до 14 % — в Республике Дагестан. Насколько уменьшилась доля — величина изменяется от региона к региону. Наконец, еще две группы политиков — те, кто в третий, четвертый и более раз оказались на данной элитной позиции, невелики и также демонстрируют некоторые изменения в величине показателя — рост или снижение, очень редко (один случай) величина показателя остается неизменной. Максимальная доля старожилов в Москве — 28 % и в Республике Дагестан — 25 %, в Новосибирской области — 21 %, минимальная доля — в Ставропольском крае — 2 %. При этом в Москве и Новосибирской области показатель вырос, а в Республике Дагестан уменьшился по сравнению с 2014 г. В остальных регионах доля старожилов меньше 20 %: Ленинградская и Костромская области — 12 %, Санкт-Петербург — 11 %, в Калининградской и Ростовской областях — 8 и 7 % соответственно, в Хабаровском — всего 4 %. При этом в Санкт-Петербурге, Ростовской, Калининградской области, Костромской областях, в Хабаровском и Ставропольском краях старожилов стало меньше, а в Ленинградской области больше. Максимальная величина доли тех политиков, кто в третий раз оказались на нынешней должности, в Ленинградской области — 18 %, по 17 % — в Новосибирской области и Республике Дагестан. В Ставропольском крае, Калининградской области и Москве показатель равен 15, 14 и 13 % соответственно. По Костромской области он равен 10 %. В остальных трех регионах он составляет меньше 10 %: в Ростовской области — 9 %, в Хабаровском крае — 7 % и в Санкт-Петербурге — 3 %. В пяти регионах показатель несколько уменьшился (Санкт-Петербург, Ростовская область, Хабаровский край, Москва, Республика Дагестан) и в пяти регионах немного вырос (Ленинградская область, Калининградская область, Костромская и Новосибирская области, Ставропольский край). Уменьшение количества новичков и увеличение количества старожилов означает некоторое

замедление процесса обновления корпуса политической элиты. Поскольку у нас были данные только за шестилетний период, невозможно сказать определенно об устойчивости изменений.

Номер элитной должности в биографии (какая по счету). В 2005 и 2010 гг. информации практически нет. Переменная позволяет определить новичков и старожилов в элите, данные за несколько лет подряд или с определенной периодичностью помогут получить представление об обновлении корпуса региональных политиков.

База 2014 г. Проанализированы данные 485 политиков по десяти регионам. Тех, для кого данная элитная должность первая в биографии («новички» в элите) в составе политической элиты регионов, больше всего в Ленинградской области — 70 %, в Москве — 69 %, в Новосибирской области — 65 %, в Санкт-Петербурге — 62 %. Далее с отрывом идут Ставропольский край — 47 % и Хабаровский край — 40 %. В остальных регионах «новичков» в элите значительно меньше: Калининградская область — 28 %, Костромская область — 26 %, в Ростовской области — 21 % и в Республике Дагестан — 15 %. Данная элитная должность является второй в биографии 46 % политиков Ростовской области, 42 % политиков Костромской области и 25 % в Новосибирской области. В остальных регионах доля политиков, для которых нынешняя должность является второй в их биографии, не превышает 20 %: в Калининградской области — 20 %, в Москве и Ставропольском крае — 18 %, в Ленинградской области — 17 %, в Республике Дагестан — 15 %, в Хабаровском крае — 14 %, Санкт-Петербурге — 13 %. «Старожилов» в элите — тех, для кого данная должность четвертая и более по счету в биографии — больше всего в Калининградской области — 39 %, Хабаровском крае — 37 %. Несколько меньше старожилов в Ставропольском крае — 24 % и Ростовской области — 21 % и намного меньше в Республике Дагестан — 15 %, Санкт-Петербурге — 13 %, Костромской области — 11 %, Ленинградской области — 9 %, Москве — 8 % и Новосибирской области — 1 %.

База 2020 г. Проанализированы данные 594 политиков из десяти регионов. Новички в элите в наибольшей степени представлены в Санкт-Петербурге и Москве — 72 %, а также в Ленинградской области 67 %, Хабаровском крае — 66 %. Далее следуют Новосибирская область — 64 %, Костромская область — 61 %, Ростовская область — 57 % и Ставропольский край — 55 %. Только в двух регионах новички составляют менее 50 %: Калининградская область — 45 % и Республика

Дагестан — 41 %. На противоположном полюсе старожилы — те, у кого нынешняя должность четвертая и более в биографии, представлены скромно. Так, в Республике Дагестан таких политиков нет вообще. Максимальная представленность данной группы в Калининградской области — 16 %, Ставропольском крае — 14 %, в Санкт-Петербурге и Ростовской области — 12 %. В остальных регионах меньше 10 %: в Хабаровском крае — 9 %, Москве — 7 %, Ленинградской и Костромской области — 5 % и Новосибирской области — 3 %. Также немного тех политиков, для которых это третья элитная должность в биографии. Наименьшая доля в Санкт-Петербурге — 2 %. Только в одном регионе, Республике Дагестан, величина доли таких политиков достигает 32 %. Далее с большим отрывом идут: Калининградская область — 16 %, Ростовская область — 13 %, Костромская область — 12 %, Ставропольский край — 8 %, Новосибирская область — 7 %, Москва — 5 % и Хабаровский край — 4 %.

Наконец, политики, у которых нынешняя элитная должность вторая в биографии, составляет относительно более многочисленные группы. В наибольшей степени они представлены в Республике Дагестан — 27 %, Новосибирской области — 26 %, Калининградской области и Ставропольском крае — 23 %, Костромской области — 22 % и в Хабаровском крае — 21 %. В остальных регионах доля данной группы политиков менее 20 %: Ленинградской и Ростовской областях — 18 %, в Москве — 16 % и в Санкт-Петербурге — 14 %.

Уровень предшествующей элитной позиции (федеральный, окружной, региональный). Данная переменная позволяет понять, были ли в карьере перемещения с одного уровня на другой, а также выяснить, были ли эти движения вниз или вверх по карьерной лестнице. В 2005 и 2010 гг. данных практически нет.

База 2014 г. Проанализированы данные о 263 политиках из десяти регионов. У подавляющего большинства политиков фиксируется региональный уровень предшествующей элитной позиции: от 100 % в Хабаровском крае до 80 % в Костромской области. Так, в Новосибирской, Ростовской и Калининградской областях показатель равен 96, 92 и 91 % соответственно, в Москве и Санкт-Петербурге он одинаков — 90 %. В других регионах величина показателя располагается в следующем десятке: в Ставропольском крае — 88 %, в Республике Дагестан — 83 % и в Ленинградской области — 81 %. Уровень округа представлен очень слабо: только в Ставропольском крае — 4 %. Федеральный уровень

не представлен в Хабаровском крае. Максимальная доля политиков, у которых предшествующая элитная позиция относилась к федеральному уровню в Ленинградской области — 19 % и в Республике Дагестан — 17 %. По 10 % составляет доля в Москве и Санкт-Петербурге. В остальных регионах совсем невелика: в Ростовской и Костромской областях и Ставропольском крае — 8 %, в Новосибирской области — 4 % и в Калининградской области — 3 %. Местный уровень представлен только в двух регионах: в Костромской области — 12 % и в Калининградской области — 6 %.

База 2020 г. Были проанализированы данные 232 политиков из десяти регионов. Уровень округа представлен слабо, но все-таки уже не в одном регионе, как это было в 2014 г., а в четырех: Калининградской и Новосибирской областях, Ставропольском крае (во всех трех регионах величина показателя — 4 %) и в Ростовской области — 3 %. Это означает некоторое, очень слабое правда, увеличение роли окружных органов власти как «поставщика» кадров региональных политиков. Региональный уровень по-прежнему главный для предшествующей элитной позиции. Хотя величина показателя, его обозначающего, несколько уменьшилась в семи регионах: Санкт-Петербург — 87 %, Ростовская область — 85 %, Калининградская область — 78 %, Хабаровский край — 94 %, Москва — 72 %, Новосибирская область — 89 %, Ставропольский край — 69 %. В Республике Дагестан показатель не изменился. В Ленинградской и Костромской областях показатель немного вырос. Уменьшение произошло за счет одновременного увеличения доли федерального уровня как характеристики предшествующей элитной позиции и появления окружного уровня в трех регионах. Итак, доля федерального уровня выросла во всех регионах, кроме Ленинградской области — здесь показатель снизился с 19 % в 2014 г. до 9 % в 2020 г. В Республике Дагестан остался неизменным на уровне 17 %. Наибольшая доля политиков, у которых предшествующая элитная позиция была на федеральном уровне, в Москве — 28 %, Ставропольском крае — 27 % и Калининградской области — 18 %. Причем показатель вырос существенно: с 10 % в Москве, 8 % в Ставропольском крае и 3 % в Калининградской области. В других регионах рост не столь существенный: Санкт-Петербург — 13 % (в 2014 г. — 10 %), Ростовская область — 12 % (в 2014 г. — 8 %), в Костромской области — 12 % (в 2014 г. — 8 %), Новосибирской области — 7 % (в 2014 г. — 4 %). В Хабаровском крае показатель вырос с нуля до 6 %.

Данные и 2014 г. и изменения, которые зафиксированы в 2020 г., утверждают, что в карьерах региональных политиков чаще, чем ранее появляются ступени карьеры, относящиеся к федеральному и окружному уровням институтов государственной власти. Местный уровень с помощью данного показателя не удалось отчетливо проявить. В этом деле может помочь анализ работы в районных и муниципальных органах в 1990 г. и предэлитной работы.

Продолжительность времени занятия первой элитной позиции. В 2005 и 2010 гг. нет данных.

База 2014 г. Проанализированы данные 335 политиков из десяти регионов. В процессе анализа использовалась следующая группировка политиков: выделены пять групп: 2 года и менее, 3–5 лет, 6–7 лет, 8–9 лет и 10 лет и более. Группа лиц, прошедших на первой элитной позиции два года и менее, довольно большая (по удельному весу) в некоторых регионах: в Республике Дагестан — 50 % (максимальная величина, но слишком мала по физическому наполнению). Фактически на первом месте Ростовская область — 40 %. В Калининградской области и Хабаровском крае — по 31 %. В Костромской области 31 % и в Санкт-Петербурге 25 %. В остальных четырех регионах доля невелика: в Ставропольском крае — 15 %, Ленинградской области — 13 %, в Москве — 9 % и в Новосибирской области — 2 %. От трех до пяти лет занимали первую элитную позицию 58 % политиков Ставропольского края, 55 и 53 % в Ленинградской и Ростовской областях соответственно. Несколько меньше в Москве — 48 %, Новосибирской области — 42 %, в Санкт-Петербурге — 34 % и в Костромской области — 30 %. В оставшихся двух регионах — Хабаровском крае и Калининградской области — меньше 30 %, 28 и 25 % соответственно.

Из анализа двух первых опций видно, что политики, занимавшие первую элитную позицию менее пяти лет, во всех регионах (кроме Республики Дагестан — по этому региону сведений в 2014 г. практически нет) составляет более 50 %. Исключением является Новосибирская область, в которой эти политики составляют 44 %. Итак, в Санкт-Петербурге — 59 %, в Ленинградской — 68 %, в Ростовской области — 93 %, в Калининградской области — 56 %, в Костромской области — 60 %, в Хабаровском крае — 59 %, в Москве — 57 %, в Ставропольском крае — 73 %. Выбивается из общего ряда Ростовская область со своими 93 %. В группе занимавших первую элитную позицию 6–7 лет немного персон. В Новосибирской области и Республике Дагестан нет никого.

Максимальная доля этой группы в Хабаровском крае — 17 %. Затем идут Костромская область и Санкт-Петербург с 14 и 12 % соответственно. В Калининградской области и Москве по 10 %. Наконец, в Ставропольском крае, Ростовской и Ленинградской областях соответственно 8, 7 и 6 %. Похожая картина в категории занимавших первую элитную позицию в течение 8–9 лет. Наибольшую долю политиков в этой категории наблюдаем в Санкт-Петербурге — 17 %. В Ростовской области и Республике Дагестан эта категория не представлена. В остальных регионах колебания в пределах 13–3 %: Ленинградская область — 13 %, Хабаровском крае — 10 %, Москве и Калининградской области — 6 %, в Костромской области и Ставропольском крае — 4 %, в Новосибирской области — 3 %. Для категории «10 лет и более» характерна большая представленность политиков. Максимальный размер доли этих политиков в Новосибирской области — 53 %. Далее с отрывом следуют Калининградская область и Москва — 28 и 27 % соответственно. В Костромской области доля равна 22 %. В Ставропольском крае, Хабаровской области, Ленинградской области и Санкт-Петербурге: 15, 14, 13 и 12 % соответственно. В Ростовской области и Республике Дагестан группа не представлена. Данные о продолжительности времени занятия первой элитной должности «сдвинуты» к полюсам: в большей степени в сторону более короткого пребывания на первой элитной должности, в меньшей степени — к более длительному пребыванию на первой элитной позиции. Наличие довольно многочисленных групп на втором полюсе (10 лет и более) означает, что политики «застрелили» на первой ступени элитной части карьерной траектории. Напротив, концентрация политиков в группе «до пяти лет» свидетельствует о более быстром продвижении в начале элитной карьеры.

База 2020 г. Проанализированы данные 533 политиков из десяти регионов. Здесь бросается в глаза (по сравнению с 2014 г.) более высокий удельный вес группы политиков, которые занимали первую элитную должность в течение 3–5 лет. Только в одном регионе данная категория политиков менее 50 % — в Ростовской области (33 %). Однако это компенсируется тем, что в этом регионе почти половина политиков (49 %) пребывали на первой элитной должности всего два года или менее. Итак, занимали первую элитную должность от трех до пяти лет 88 % политиков Москвы, 86 % политиков Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 83 % политиков Новосибирской области, 82 % Ставропольского края. В Республике Дагестан удельный вес данной категории поли-

тиков равен 71 %, в Хабаровском крае — 70 %, в Калининградской и Костромской областях 69 и 68 % соответственно. Сдвиг в сторону более краткого пребывания на первой элитной должности еще заметнее, если объединить две опции — «2 года и менее» и «от 3 до 5 лет». В уже упоминавшейся Ростовской области — 82 %, в Санкт-Петербурге — 98 % (максимальный показатель), Ленинградской области — 92 %, Калининградской области — 86 %, в Костромской области — 83 %, в Хабаровском крае — 79 %, в Москве — 90 %, в Новосибирской области — 91 %, Ставропольском крае — 90 %, Республике Дагестан — 79 %. В отличие от данных базы 2014 г., категория политиков, «застрявших» на первой элитной должности, очень небольшая. Ее удельный вес колеблется от 15 % в Хабаровском крае до 4 % в Ленинградской области. В Санкт-Петербурге категория совсем не представлена. Удельный вес групп «6–7 лет» и «8–9 лет» еще с меньшим удельным весом: от 8 до 1 %. В ряде регионов не представлены эти две категории. Категории «6–7 лет» нет в Санкт-Петербурге и Ставропольском крае. Категории «8–9 лет» нет в Калининградской области, Хабаровском крае, Москве и Новосибирской области.

Продолжительность времени занятия нынешней позиции. Переменная характеризует скорость продвижения по карьерной лестнице.

База 2005 г. Проанализированы данные о 240 политиках из четырех регионов. Все политики занимали нынешнюю позицию менее пяти лет. В то же время до двух лет должность занимали 95 % политиков Калининградской области, 35 % Санкт-Петербурга, 15 % Ленинградской и 10 % Ростовской области.

База 2010 г. Проанализированы данные о 309 политиках из шести регионов. Все политики Санкт-Петербурга, Ростовской и Костромской областей, 98 % политиков Ленинградской области, 96 % Калининградской области и 94 % Хабаровского края занимали нынешнюю позицию менее пяти лет. В том числе до двух лет проработали все политики Санкт-Петербурга, 98 % Ленинградской и Ростовской областей. Намного меньше таких политиков в Хабаровском крае — 24 %, Костромской и Калининградской областях — 10 и 9 % соответственно.

База 2014 г. Проанализированы данные о 604 политиках из десяти регионов. И здесь наблюдаем ту же картину: практически все политики занимают нынешнюю позицию менее пяти лет. Более детальное рассмотрение показывает, что в некоторых регионах срок пребывания политиков на нынешней должности менее двух лет. Так, в Калинин-

градской области таких политиков 98 %. Намного меньше в Хабаровском крае — около 20 % и совсем нет в Ставропольском крае и Республике Дагестан. Прочие опции (6–7 лет, 8–9 лет, 10 лет и более) набирают незначительное количество политиков.

База 2020 г. Проанализированы данные о 660 политиках из десяти регионов. И здесь, подобно 2010 и 2014 гг., почти все политики занимают нынешнюю позицию менее пяти лет. В то же время в Ростовской области 82 % политиков занимали нынешнюю должность менее двух лет. В Калининградской области, в Ставропольском крае и Республике Дагестан таких политиков нет совсем. В других регионах позиция «до двух лет» находится в диапазоне от 15 до 6 %.

ВЫВОДЫ

Проанализированы биографические данные 1816 политиков, охватывающие период 2005–2020 гг. Поскольку база данных формировалась в течение довольно продолжительного периода и постепенно расширялась сфера охвата (от четырех до десяти регионов), не по всем переменным удалось провести полноценный диахронный анализ.

Процессы рецентрализации, идущие в стране с начала 2000-х годов, сопровождаются сохранением диверсификации многих характеристик, определяющих структуру политических возможностей. Рецентрализация, несущая с собой явные тенденции к унификации ряда параметров политического процесса в каждом отдельном регионе, все-таки оставляет возможности организации политического процесса по привычным сохранившимся паттернам (дизайн выборов, взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти, рекрутирование и т.д.). Поэтому от региона к региону наблюдаем некоторые особенности состава корпуса политической элиты и карьерных траекторий политиков.

Предэлитная активность как бассейн рекрутирования политиков демонстрирует большую важность хозяйственно-экономической сферы во всех регионах, кроме Ростовской области, Москвы и Санкт-Петербурга. В этих трех регионах на первом плане политико-административная сфера. Такая тенденция прослеживается по показателю предшествующей работы. Динамика во времени такова: несколько уменьшается значение хозяйственно-экономической сферы и увеличивается значение политико-административной сферы. Значения показателя предшествующей работы в политико-административной сфере

выравниваются по регионам, нет большого разброса величин. Однако картина в целом пестрая, движение показателей, характеризующих бассейн рекрутирования, довольно хаотичны, они не показывают одно-значного роста или снижения, в отдельные годы наблюдается то одно, то другое. То же можно сказать о показателе предшествующей работы. В большинстве изучаемых регионов отмечается некоторое снижение роли политико-административной активности. Сфера силовой активности имеет небольшое значение.

В 2014 г. большая часть политиков во всех регионах вступили в предэлитную должность в молодом (до 40 лет) возрасте. В 2020 г. по сравнению с 2014 г. политики вступали в предэлитную должность в более позднем возрасте (41–60 лет). Изменение по-разному затронуло регионы, более заметным оно оказалось в Костромской, Калининградской и Ростовской областях. Вступление в нынешнюю (на момент сбора материала) должность наибольшая доля политиков приходится на средний возраст (41–60 лет). Вступление в молодом возрасте в наибольшей мере характерно для политиков Санкт-Петербурга (27 %). Это максимальная величина показателя в 2005 г. В 2010 г. — лидер Костромская область. Здесь 31 % политиков заступил на нынешнюю должность в молодом возрасте. В 2014 г. — лидеры Ставропольский край и Костромская область (более 30 %). В 2020 г. величина данного показателя несколько снизилась, зато произошло выравнивание величины показателя по регионам. Теперь во всех регионах доля политиков, вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте, колеблется от 25 до 11 %. Та же картина в других возрастных категориях: небольшие изменения и выравнивание по регионам.

Продолжительность времени занятия должностей и скорость прохождения карьерных ступеней:

1. Первой элитной должности. Данные по этой переменной «сдвинуты» к полюсам: в большей степени в сторону короткого пребывания на должности. Наличие довольно больших групп на втором полюсе (10 лет и более) говорит о том, что некоторые политики «застрелили» на этой ступени. Напротив, политики из группы «до 5 лет» быстрее продвигались в начале элитной карьеры.

2. Нынешняя элитная позиция. Эта переменная во всех замерах и во всех регионах дает: подавляющее большинство политиков занимает нынешнюю должность менее пяти лет.

3. Предэлитная должность. Здесь наблюдаем сдвиг в сторону более короткого пребывания на должности (до пяти лет), что свидетельствует о быстром продвижении к первой элитной позиции. В совокупности эти три переменные говорят о довольно быстром продвижении по карьерной лестнице значительной группы политиков в изучаемых регионах. Конкретное соотношение в карьерных траекториях обозначенных ступеней различно не столько в разрезе регионов, сколько конкретных политиков.

4. Нынешняя позиция. Все замеры показывают, что почти все политики занимают нынешнюю должность менее пяти лет. В некоторых регионах в отдельные годы этот срок укорачивается до двух лет: Калининградская область в 2005 и 2010 гг., Санкт-Петербург, Ленинградская и Ростовская области в 2010 г. Ростовская область в 2020 г. По этому показателю политики также довольно быстро продвигаются по карьерной лестнице. Периодичность «укорачивания» срока до двух лет, скорее всего, завязана на электоральный цикл конкретного региона.

Показатели «номер данной элитной позиции в биографии» (в который раз субъект получает нынешнюю должность) и «номер элитной должности в биографии» (какая по счету) показывают, каков удельный вес политиков-новичков и политиков-старожилов, таким образом демонстрируя темпы обновления элиты и особенности карьерного продвижения. Уменьшение количества новичков и увеличение количества старожилов (первый из двух обозначенных показателей) означает некоторое замедление процесса обновления корпуса политической элиты. Поскольку у нас были данные только за шестилетний период, невозможно сказать определенно об устойчивости изменений. Второй показатель показывает, каков удельный вес политиков, для которых нынешняя должность первая в биографии или нет. Данные смещены в сторону тех, у кого данная должность первая или вторая в биографии, то есть в сторону новичков в элите. Дополнительная характеристика об уровне предшествующей элитной позиции свидетельствует о том, что основная часть политиков перемещается с одной должности на другую в рамках регионального уровня. То есть среди политиков изучаемых регионов преобладают региональные карьеры.

Литература

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации //

Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242. EDN YMNGUO.

Быстрова А.С. Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // Властные структуры и группы доминирования / под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93. EDN UMSTHX.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. 2017. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 170–203. <https://doi.org/10.1177/0268580916687460>. EDN: UYHVXO.

Быстрова А.С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN LCEFUY.

Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN: YLPHEC.

Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02>. EDN HSODIJ.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты стран БРИК: опыт сравнительного анализа // Власть и элиты / ул. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 56–69. EDN XIEMRF.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120. EDN UMSTJВ.

Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN YOPBVI.

Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 4, № 4. С. 158–180. EDN SDEQSF

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с. EDN QOHFON.

Панкевич Н.В. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. 2022. № 4. С. 41–66. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>. EDN TRQKXB.

Тев Д. Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 1. С. 106–133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN XZFPТС.

Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. EDN BBGNON.

Тев Д.Б. Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN XZFPCT

Bernard J., Čermák D. Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů // Acta Politologica. 2021. Vol. 13, no. 1. P. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020.

Borchert J., Stolz K. Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations // Regional & Federal Studies, 2011. Vol. 21, no. 2. P. 271–282. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.530022>.

Botella J., Rodríguez Teruel J., Barberà O., Barrio A. A New Political Elite in Western Europe? The Political Careers of Regional Prime Ministers in Newly Decentralised Countries // French Politics. 2010. Vol. 8, no. 1. P. 42–61. <https://doi.org/10.1057/fp.2009.40>.

Caciagli, M. Regioni d'Europa: devoluzioni, regionalismi, integrazione europea. Firenze, Italy: Il Mulino, 2003. 217 p.

Dodeigne J. (2014). (Re-)Assessing Career Patterns in Multilevel Systems: Insights from Wallonia in Belgium // Regional & Federal Studies. 2014. Vol. 24, no. 2. P. 151–171. <https://doi.org/10.1080/13597566.2013.865605>.

Dodeigne J. Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems // West European Politics. 2018. Vol. 41, no. 3. P. 728–753. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1415549>.

Harvie C. The Rise of Regional Europe. London: Routledge, 1994. 112 p.

Keating M. The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1998. ix+242 p.

Kryshтанovskaya O., White S. Putins' Militacracy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, no. 4. P. 289–306. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.4.289>. EDN LHWURH.

Ross C., Panov P. The range and limitation of sub-national regime variations under electoral authoritarianism: The case of Russia // Regional & Federal Studies. 2019. Vol. 29, no. 3. P. 355–380. <https://doi.org/10.1080/13597566.2018.1530221>.

Stolz K. Moving Up, Moving Down: Political Careers across Territorial Levels // European Journal of Political Research. 2003. Vol. 42, no. 2. P. 223–248. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00081>.

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? // Revista Española de Ciencia Política. 2018. No. 48. P. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

REGIONAL DIFFERENCES IN THE CAREER TRAJECTORIES OF REPRESENTATIVES OF THE REGIONAL POLITICAL ELITE OF THE RUSSION FEDERAITION

A. Bystrova

(abc_46@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences

Citation: Bystrova A. Regionalnye razlighiya v karernykh traektoriyakh predstavitelej regionalnoy politicheskoy elity Rossijskoj Federatsii [Regional differences in the career trajectories of representatives of the regional political elite of the Russian Federation]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 98–138. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>
EDN VTBGFP

Abstract. *The territorial “linking” of a career to a specific region sets a significant part of the structure of opportunities within which an individual implements his plans for building a career. Regional features of the political process, in particular, the established practice of forming a corps of regional politicians, the design of elections and the degree of their competitiveness, the practice of functioning of the legislative body, the conditions of activity of deputies and, of course, local legislative norms and rules determine the personal composition of regional politicians and the trajectories of their careers. The Russian Federation is a multinational, multi-religious country; in its political life there are various patterns of political behavior and types of political culture. The models of relationships within the corps of the regional elite are not identical — the practice of interaction between the executive and legislative branches of government within the borders of each subject of the Russian Federation. The level of autonomy of regional government institutions and regional leaders varies. The Soviet traditions of forming the ruling (political) class (nomenklatura) are perceived differently and have different consequences. Over the past three decades, there have been various models of interaction between the constituent entities of the Russian Federation and the federal center. We are talking about greater or lesser centralization/ decentralization of the structures of state power and management. The changes were caused by the needs to ensure controllability, as understood by the leadership at the level of the federal center of government. The strengthening of the role and influence of regional leaders was short-lived. It increased in the 1990s. But already*

in the early 2000s. the federal center has regained its leading role in relations with regional leaders. However, the specificity of the regions, embodied in the existence of various types of regional political regimes, remained. The processes of recentralization that have been going on in the country since the beginning of the 2000s are accompanied by the continued diversification of many characteristics that determine the structure of political opportunities. Recentralization, which brings with it obvious tendencies towards the unification of a number of parameters of the political process in each individual region, still leaves the possibility of organizing the political process according to familiar patterns (election design, interaction between the legislative and executive branches of government, recruitment, etc.). Therefore, from region to region we observe some peculiarities in the composition of the political elite and the career trajectories of politicians. The empirical basis of the study is an array of biographies of regional politicians, covering 2005-2020. In total, the biographical data of 1816 regional politicians were analyzed. In 2005 there were politicians in 4 regions, in 2010 — 6 regions, in 2014 and 2020 — 10 regions. During the analysis, comparisons were made using a number of indicators characterizing the career trajectories and recruitment pools of regional politicians. Among politicians in the studied regions, regional careers predominate. The pool for recruiting regional politicians consists of the economic and political-administrative spheres. However, the picture as a whole is motley; the movement of indicators characterizing the recruitment pool is chaotic.

Keywords: regional political elite, career, recruitment pool, biographies.

References

Bernard Josef, Čermák D. Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů. *Acta Politologica*, 2021, 13(1), pp. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020.

Borchert, J., Stolz K. Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations. *Regional & Federal Studies*, 2011, 21(2), pp. 271–282. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.530022>.

Botella J., Rodríguez Teruel J., Barberà O., Barrio A. A New Political Elite in Western Europe? The Political Careers of Regional Prime Ministers in Newly Decentralised Countries. *French Politics*, 2010, 8(1), pp. 42–61. <https://doi.org/10.1057/fp.2009.40>.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации [The influence of the social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of various political generations regional administrative elites of the Russian Federation]. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2017, 4, pp. 170–203. <https://doi.org/10.1177/0268580916687460>. EDN UYHVXO. (In Russian)

Bystrova A. Regional'nyye chinovniki i politiki RF: sravnitel'nyy analiz kar'yer [Regional officials and politicians of the Russian Federation: a comparative analysis of careers]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9, pp. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN YLPHEC. (In Russian)

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Rossijskie regional'nyye elity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: *Globalizacija v rossijskom obshhestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers]. Ed. by Eliseeva I.I. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2008, pp. 99–242. EDN YMHGUO. (In Russian)

Bystrova A.S. Tipy kar'er predstavitelej regional'noj administrativno-politicheskoj jelity i faktory, vlijajushhie na kar'ernye razlichija [Types of careers of representatives of the regional administrative-political elite and factors affecting career differences]. In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija* [Power structures and dominance groups.] Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 76–93. EDN UMSTHX. (In Russian)

Bystrova A. Regional'nyye administrativnyye elity Rossii: kar'yery i kar'yernyye trayektorii [Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8(1): 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN LCEFUY. (In Russian)

Caciagli, M. *Regioni d'Europa: devoluzioni, regionalismi, integrazione europea*. Firenze, Italy: Il Mulino, 2003. 217 p.

Dodeigne J. (Re-)Assessing Career Patterns in Multilevel Systems: Insights from Wallonia in Belgium. *Regional & Federal Studies*, 2014, 24(2), pp. 151–171. <https://doi.org/10.1080/13597566.2013.865605>.

Dodeigne, J. (2018). Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems. *West European Politics*. Vol. 41, no. 3, pp. 728–753. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1415549>.

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nyh vlastnyh jelitah [On the issue of militocracy: siloviki in regional power elites]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminar «Sociologicheskie problemy vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power structures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar “Sociological problems of power institutions under conditions of Russian transformation”]. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 94–20. EDN UMSTJB. (In Russian).

Duka A. Mobil'nost' i endogennost' regional'nykh politiko-administrativnykh elit [Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8(1): 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN_YOPBVI. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Regionalnye elity Rossii: personalnyj sostav i tendentsii evolyucii (1) [Regional elites of Russia: personal composition and trends of

evolution (1)]. *POLIS. Political studies*, 2004, 2, pp. 6–19. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02>. EDN HSODIJ. (In Russian)

Gaman-Golutvina O. Politicheskie ehlyty stran BRIK: opyt sravnitel'nogo analiza [Comparative analysis of BRIC's political elites]. *Vlast' i ehlyty* [Power and Elites], 2014, 1. pp. 56–69. EDN XIEMRE. (In Russian)

Harvie C. *The Rise of Regional Europe*. London: Routledge, 1994. 112 p.

Keating M. *The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1998. ix+242 p.

Kryshantovskaya O. *Anatomiya rossijskoj ehlyty* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2005. 384 p. EDN QOHFON. (In Russian)

Kryshantovskaya O. Rezhim Putina: liberal'naya militokratiya? [Putin's regime: a liberal militocracy?]. *Pro et Contra*, 2002, 4(4), pp. 158–180. EDN SDEQSF. (In Russian)

Kryshantovskaya O. White S. Putins' Militacracy. *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19(4), pp. 289–306. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.4.289>. EDN LHWURH.

Pankevich N.V. The State in the political space and the spatiality of alternative political forms. *Political science (RU)*, 2022, 4, pp. 41–66. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>. EDN TRQKXB. (In Russian)

Ross C, Panov P. The range and limitation of sub-national regime variations under electoral authoritarianism: The case of Russia. *Regional & Federal Studies*, 2019, 29(3), pp. 355–380. <https://doi.org/10.1080/13597566.2018.1530221>.

Stolz K. Moving Up, Moving Down: Political Careers across Territorial Levels. *European Journal of Political Research*, 2003, 42(2), pp. 223–248. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00081>.

Tev D. B. Deputy Gosudarstvennoj Dumy RF: osobennosti kar'ery posle prekrashcheniya polnomochij [Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career Characteristics after the Termination of Office], *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. 2018, 17(1), pp. 106–133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN XZFPTC. (In Russian)

Tev D.B. Deputy frakcij Edinoj Rossii i KPRF v Gosudarstvennoj Dume: sravnitel'nyj analiz kar'ery posle ukhoda s dolzhnosti [Deputies of the United Russia and CPRF Fractions in the State Duma: A Comparative Analysis of Careers after Leaving Office]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2023, 4, pp. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN XZFPTC. (In Russian)

Tev D.B. (2023) Federal'naya administrativnaya elita Rossii: osobennosti kar'ery posle uhoda s dolzhnosti [Federal administrative elite of Russia: features of a career after leaving office], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 1, pp. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. EDN BBNON. (In Russian)

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? *Revista Española de Ciencia Política*. 2018, 48, pp. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.